

УДК 811

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Шаклеин В. М.

Российский университет Дружбы народов, г. Москва, Россия

Автор статьи делает попытку выявить особенности формирования культурно-плюралистического общества, мультикультурного дискурса, приходит к выводу, что культурный плюрализм состоит во взаимодействии, взаимном проникновении и трансформации представителей разных лингвокультур.

Ключевые слова: мультикультурализм, язык, культурно-языковое пространство, культура, этничность, лингвокультура.

В самом начале 2011 года в Европе остро встал вопрос об отношении национальных обществ континента ко все увеличивающимся сообществам мигрантов. В этой связи некогда провозглашенная европейскими странами политика мультикультурализма стала подвергаться ревизии. Так, о провале политики мультикультурализма заявили канцлер Германии Ангела Меркель, президент Франции Николя Саркози и премьер Великобритании Дэвид Кэмерон. В Германии, как известно, проживает многочисленная турецкая община, во Франции и Великобритании – община уроженцев арабских стран. Саркози в интервью французскому ТВ сказал, что во всех демократических сообществах «уделяли слишком много внимания идентичности тех, кто приезжает в страну, и слишком мало внимания идентичности тех, кто их принимает. Все чаще во Франции слышится нефранцузская речь, что несет явную угрозу французскому языку и французской культуре» [<http://www.inoforum.ru/inostrannaya>]. Совокупную позицию руководителей стран Еврозоны по этому вопросу высказал Генсек Совета Европы Торбьерн Ягланд, поддержав позицию Германии и Франции, заявивших о провале политики мультикультурализма в Европе. Он также предупредил о рисках, связанных с существованием крупных обособленных культурных групп. «Мультикультурность способствует образованию параллельных культурных и языковых сообществ в одном государстве. Этому надо положить конец. Также ясно, что некоторые параллельные сообщества стали почвой для роста опасных и радикальных идей. Это для нас неприемлемо», – сказал Торбьерн Ягланд.

Актуальность подобной проблематики очевидна и для России, которая еще в большей степени, чем Евросоюз, подвержена наплыву иноязыких и инокультурных мигрантов. Наиболее показательным городом в этом смысле является столица России – Москва. Ежедневно москвичи сталкиваются с различными группами людей, явно отличающихся от них по культуре и языку. Воспитанные на позициях советского, а позже российского мультикультурализма, москвичи пытаются с пониманием отнестись к таким людям, исходя, главным образом, из впитанной с молоком матери концепции, согласно которой, единственная мера, которая позволит России сохраниться в своих нынешних границах и состоянии, – это ставка на

надэтническую идентичность, объединяющую всех живущих в России. Но наряду с этой же концепцией у людей возникает интуитивное неприятие чуждого им облика и невероятного многоязычия. Проблема здесь состоит в том, что за обилием африканских, центральноазиатских, юго- и восточноазиатских, латиноамериканских, кавказских языков и диалектов следует закрепление со стороны их носителей своеобразных культурных и социальных пространств и ниш, некогда занимаемых русскими. Это касается не только пространства духовного, но и сугубо физического: определенные бары, клубы, рестораны, кварталы, улицы, профессии (с соответствующими территориальными притязаниями) закрепляются за конкретными национальными сообществами как зона их уже традиционного обитания. Появление в таких зонах русского человека воспринимается новыми национальными сообществами по меньшей мере с недоумением. В таких зонах нормы поведения русских людей, русский язык (как впрочем и любой иной) не в ходу. Приветствуются лишь национальный язык и система поведения «коренного» национального сообщества данной зоны. В результате Москва стала буквально задыхаться от армянских, азербайджанских, вьетнамских, китайских кафе, клубов, рынков, общежитий, домов, дворов, улиц. При этом подобных территориально очерченных анклавов становится все больше. И, заходя куда-либо, коренной москвич задает вопрос, а туда ли он попал, к себе ли?

Также существуют немало проблем, связанных с этнической составляющей в школьных образовательных учреждениях.

В Москве традиционно проживали и говорили на родных языках многие народы. Недаром в Москве появились Татарская, Большая Грузинская улицы, Малая Ордынка, Армянский переулок, еврейский квартал между Маросейкой и Славянской площадью. И, несмотря на то, что татары, грузины, монголы, армяне, евреи и другие национальности всегда отличались яркостью и самобытностью, в культурном плане они никогда не претендовали ни на какую культурную или территориальную автономию внутри мегаполиса.

Говоря о москвичах, мы имеем в виду не только русских. По большому счету, Россия не страна иммигрантов. Народы и народности, проживающие на ее территории, имеют свои собственные исторически закрепленные за ними ареалы проживания, они прочными нитями традиций связаны со своим культурным и историческим прошлым. Но они одновременно связаны и между собой. За века совместного проживания они культурно адаптировались друг к другу. И чем дольше находился народ в составе России, тем эти связи становились прочнее.

Какие-то народы России ближе друг к другу, какие-то дальше. Подобные культурные и языковые дистанции всегда воспринимались хотя и не до конца, но с некоторой долей понимания. Нынешнее же культурно-языковое состояние российских городов нормой уже назвать нельзя.

Именно поэтому в России само слово «мультикультурализм» провоцирует недоразумения, несогласие и возмущение. Справедливости ради стоит отметить, что оно не было однозначным уже в пору своего возникновения, а за полтора десятилетия его использования в публичных дебатах сочленилось с самыми противоречивыми, вплоть до взаимно исключаящих, значениями: от критики либерализма до этноцентризма, до мотивированного изоляционизма.

Разумеется, вряд ли можно закрепить за этим термином какое-то одно значение и запретить его употребление в других значениях. Но в то же время можно попытаться провести хотя бы предположительно различие между двумя уровнями проблематики: социальной реальностью и высказываниями по поводу этой реальности. Как бы ни были эти уровни переплетены друг с другом, в аналитических целях совершенно необходимо различать, с одной стороны, порождаемые в ходе общественной жизни проблемы, а с другой – идеологическое отражение этих проблем.

Можно предположить, что проект культурно-плюралистического («мультикультурного») общества может быть реализован в качестве проекта либерально-демократического. Для этого его следует освободить от той части коннотаций, которые он приобрел в идеологии мультикультурализма.

В ряде исследований было замечено, что «мультикультурализм» – в значительной мере лишь риторическое обновление старых проблем: лишь переименование процессов, которые, начиная с 60-х годов XX века, осмыслялись в нашей стране в терминах «этнического возрождения». Категория «культура» пришла на смену категории «этничность» потому, что предлагала более широкую, более мягкую и более расплывчатую формулу для описания конфликтного современного общества. Закрывая глаза на структурные проблемы современных обществ и выдвигая на первый план «культурные» проблемы (или, скорее, перекодируя структурные проблемы в культурные), адепты мультикультурализма пошли либо по пути романтизации и морализации реальности, либо по пути отказа от аналитической строгости [1, с. 138-157].

Обращалось внимание и на инструментальный характер политик мультикультурализма (они же – «политики различия»). Даже в тех странах, где мультикультурализм был провозглашен официальной политикой (Канада и Австралия), его введение имело прежде всего функциональный смысл. В канадском случае это было продиктовано опасностью квебекского сепаратизма французов. Объявляя основной целью своего правления построение мультикультурного – но, подчеркнем, не мультинационального – общества, канадские власти пытались, с одной стороны, нейтрализовать сепаратистские устремления франкофонного Квебека, а с другой – смягчить обеспокоенность англоязычного большинства относительно национально-государственной целостности страны. В австралийском случае официальное введение мультикультурализма было вызвано, главным образом, оскудением иммиграционного потока к началу 70-х годов XX в., что могло повлечь за собой неблагоприятные последствия для демографической и экономической ситуации [2].

В Соединенных Штатах широкое распространение мультикультуралистской риторики связано с такой особенностью американского публичного дискурса, как невнимание к социально-классовой стратификации, тенденцией сводить общественные противоречия к противоречиям «ментальностей»; отсюда преувеличенное значение, придаваемое гармонизации, консенсусу, лучшему взаимопониманию и т.д. [3, с. 77-94].

Инструментальный характер мультикультуралистского дискурса демонстрирует случай Германии: первыми пропагандистами мультикультурализма здесь выступили представители промышленного капитала – крупные «хозяйственники», озабоченные

ухудшением ситуации на рынке труда (опять-таки вызванной слабым притоком свежей рабочей силы). Известно, что заслуга введения терминов «мультикультурализм» и «мультикультурное общество» в немецкоязычном пространстве принадлежит Хайнеру Гайсслеру, крупному функционеру ХДС/ХСС [4, с. 125-146].

Исследователи неоднократно говорили о методологических несообразностях и теоретических подводных камнях, связанных с введением в научный оборот понятий «мультикультурализм» и «мультикультурное общество». В каком смысле здесь можно вести речь о некоторой стране как мульти-культурной (многокультурной)? Поскольку культура есть символическая система, характерная для определенного общества и кодифицированная в институтах этого общества, то наличие в одном обществе множества культур, по всей видимости, весьма проблематично. Если различные социальные группы являются носителями особых, самостоятельных языков и культур, то не будет ли более правомерным вести речь не о многокультурности общества, а о сосуществовании внутри одного государства различных обществ? Культура и язык, помимо кодификации в институтах, предполагают также определенную систему знания и закрепления этого знания. В какой мере правомерно говорить о множестве культур, если их представители – благодаря единой системе образования и единой системе массовой коммуникации – разделяют друг с другом одну и ту же систему знания? Похоже, что сторонники мультикультурализма склонны вести речь о «культурах» там, где на деле имеют место субкультуры.

Кроме того, мультикультурализм исходит их тождества между этничностью и культурой (молчаливо предполагая, что различная этническая лояльность означает различную культурную лояльность). Это в некоторой степени справедливо для традиционных обществ, но вряд ли справедливо для современных индустриальных (и тем более постиндустриальных) обществ.

Достаточно очевидно, что понятие «культура» в его использовании мультикультуралистами выполняет компенсаторную функцию: социальные группы, лишенные власти (например, иммигранты первого и второго поколения) наделяются особой креативностью, выступая в качестве носителей особой «культуры». Это может быть лестно для отдельных представителей этих групп, но ничего или мало что меняет в их действительном положении в экономической и политической иерархии.

С отмеченным обстоятельством связан еще один нюанс, встроенный в идеологию мультикультурализма: она способствует расиализации и этнизации общественного дискурса. Осмысляя социально-классовые и социально-групповые различия в расовых и этнических терминах, мультикультурализм окончательно закрепляет дискриминацию. Тем самым он лишь углубляет и без того имеющую место геттоизацию меньшинств. Мультикультурализм перетолковывает противоречия (социальных, экономических, политических, региональных) интересов в противоречия (этнического, конфессионального) происхождения. Способствуя этнизации социальных конфликтов, мультикультуралистская идеология делает их неразрешимыми.

Выводы. Таким образом, опасения относительно политики культурного плюрализма («мультикультурализма») в том виде, как они были реализованы в ряде западных стран, вызваны этнической центрированностью этих политик. Поскольку термин «мультикультурализм» сегодня прочно связывается с этнически и конфессионально мотивированным изоляционизмом, вряд ли уместно пытаться его

удержать, освободив от негативных коннотаций и придав ему граждански-демократический смысл. Но если от проблематичного термина и можно отказаться, то отказаться от мероприятий по организации общежития в условиях культурной плюральности нельзя. Культурное различие есть конститутивный момент демократического общества. Поэтому вопрос не в том, поощрять или не поощрять культурное разнообразие, а в формах этого поощрения.

Культурное разнообразие – это не только и не столько этническое разнообразие. Это разнообразие жизненных стилей, культурных ориентаций и культурных тенденций. Культурный плюрализм состоит не в параллельном существовании автономных «идентичностей», а в их взаимодействии, что предполагает как их взаимное проникновение, так и взаимную трансформацию.

Список литературы

1. Radtke F. O. Multikulturalismus – Regression in die Moderne? / F. O. Radtke // *Fliuchtpunkt Europa. Migration und Multikultur*. Hrsg. von Martina Fischer. Fr.am. – M., 1998. – S. 138-157.
2. Castles S., Kalatzis M., Cope B., Morrissey M. Mistaken Identity: Multiculturalism and the Demise of Nationalism in Australia / S. Castles, M. Kalatzis, B. Cope, M. Morrissey. – Sydney, 1992.
3. Puhle H. J. Multiculturalismus und der amerikanische consensus. – *Multikulturelle Gesellschaft: Modell America?* Hrsg. von B. Ostendorf / H. J. Puhle. – Muenchen, 1994. – S. 77-94.
4. Geissler H. G. Buerger, Nation, Republik – Europa und die multikulturelle Gesellschaft / H. G. Geissler // *Die multikulturelle Herausforderung. Menschen ueber Grenzen – Grenzen ueber Menschen*. Hrsg. von K. Bade. – Muenchen, 1996. – S. 125-146.

Шаклейн В.М. Мультикультуралізм і культурно-мовний простір // Ученіє запискі Таврічського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.249-253.

Автор статті робить спробу виявити особливості формування культурно-плюралістичного суспільства, мультикультурного дискурсу, приходять до висновку, що культурний плюралізм полягає у взаємодії, взаємному проникненні та трансформації представників різних лінгвокультур.

Ключові слова: мультикультуралізм, мова, культурно-мовний простір, культура, етнічність, лінгвокультура.

Shaklein V. M. Multiculturalism and Language and Culture Environment // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.249-253.

The article reveals specific features of multicultural society and multicultural discourse. The author comes to conclusion that cultural pluralism concerns interaction and mutual transformation of the representatives of different cultures.

Key words: multiculturalism, language, language and culture environment, culture, ethnicity, linguistic culture.

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.